

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА“.

Въ Карлсбадѣ, подѣ Ригою, сошелся я съ нѣкимъ Р., который съ отцомъ своимъ еще мальчикомъ бывалъ у Герцена, когда тотъ жилъ въ Лондонѣ (уже не въ Путнеѣ слѣд., послѣ 1858 г.). Р. хорошо помнитъ, какъ однажды Герценъ велѣлъ отказывать всѣмъ гостямъ, обыкновенно ему докучавшимъ, и какъ неистово звонилъ къ нему и былъ не принять Стасовъ, въ то время ярый радикаль (котораго, какъ и Бакунина, Герценъ не любилъ), и какъ послѣ обѣда Герценъ подошелъ къ фортепiano и сказалъ бывшему тутъ своему родственнику: „Ну, Сережа, давай вспомнимъ родину“. Тотъ заигралъ „Боже Царя храни!“ Присутствующіе и самъ Герценъ запѣли, и при словѣ „храни!“ Герценъ нѣсколько разъ повторилъ его и у него показались слезы. Онъ говаривалъ многимъ, что предпочелъ бы самую бѣдную жизнь въ Россіи своему изгнанію. Однажды Александръ II-й съ графомъ Адлербергомъ былъ на Невскомъ въ фотографіи Левицкаго и подробно спрашивалъ о Герценѣ. Онъ сказалъ, что цѣнить его дарованія, но „со мною поступилъ онъ подло“. Вѣроятно, относится это къ обѣщанію не дѣйствовать противъ правительства, и Герценъ могъ дать это обѣщаніе въ Вяткѣ въ 1837 году черезъ Жуковскаго, благодаря которому Наслѣдникъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ А. Г. Строгановъ исходатайствовали у Николая Павловича разрѣшеніе Герцену возвратиться въ Москву.

Домашняя жизнь Герцена въ Москвѣ была не радостная, во Власьевскомъ переулкѣ, гдѣ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ держалъ у себя цѣлый гаремъ и гдѣ мать Герцена Луиза (Юлиза, какъ ее звала прислуга) Ивановна терпѣла горе. Такъ называемый сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ (его портретъ въ залѣ Екатерининской, въ Москвѣ, больницы), будучи посланникомъ въ Кассель, сошелся съ

этою Нѣмкою*); но братъ его, Иванъ Алексѣевичъ, тамъ же находившійся, переманилъ ее къ себѣ и увезъ въ Москву, гдѣ 25 Марта 1812 г. родился А. И. Герценъ. Братья между собою весь вѣкъ враждовали. Левъ считалъ, что родившійся ребенокъ принадлежитъ ему, былъ къ нему нѣженъ и оставилъ ему большое состояніе наравнѣ со своими несомнѣнными дѣтьми, Львицкими или Левицкими (сыновьями Сергѣемъ (славнымъ фотографомъ) и Иваномъ и дочерью Софьею (которая была за братомъ Д. В. Полѣнова, Алексѣемъ). По словамъ Р., Иванъ Алексѣевичъ не оставилъ Герцену денегъ, а только имѣніе Костромское, до сихъ поръ находящееся подъ такъ называемымъ секвестромъ, о снятіи котораго Герценъ просилъ въ Парижѣ Свербева похлопотать черезъ его сына Александра Дмитріевича, тогдашняго Костромскаго вице-губернатора. Съ деньгами дяди-отца Герценъ и уѣхалъ за границу въ 1847 году. Сенаторъ жилъ въ своемъ большомъ домѣ на Арбатѣ, у Николы въ Плотникахъ, позднѣе Дребуша (тамъ жили Аксаковы, и оттуда вышла замужъ за Егора Антоновича Томашевскаго единственная замужняя ихъ дочь Марья Сергѣевна), еще позднѣе это былъ домъ Александра Никифоровича Селиванова. Въ этомъ домѣ протекло все дѣтство Левицкихъ, и тамъ же по годамъ жилъ и молодой Герценъ.

Ушедшая отъ Герцена жена его, Наталья Александровна, дочь третьяго Яковлева (который былъ Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ) пережила его и имѣла дѣтей отъ своего второго сожителя. Ея братъ Захарьинъ живетъ гдѣ-то въ Симбирскѣ. Четвертый Яковлевъ, Петръ, владѣлъ домомъ на Тверскомъ бульварѣ (гдѣ позднѣе жили Свербевы, у которыхъ собиралась умственная Москва). Это такъ называемый химикъ; онъ судился по солянымъ дѣламъ и былъ въ ссылкѣ. Его дочь Татьяна Петровна Пассекъ. Тетки Герцена: Голохвостова, княгини Хованская, Мещерская и г-жа Лопухина, которая владѣла большимъ бывшимъ во владѣніи Лопухиныхъ помѣстьемъ подъ Савинымъ монастыремъ (куплено графомъ С. Д. Шереметевымъ у В. И. Якунчикова, для своей дочери, графини Марьи Сергѣевны Гудовичъ).

Кончившій умоповрежденіемъ Сергій Львовичъ Левицкій прославился своею фотографіею на Невскомъ проспектѣ, нынѣ доставшеюся его сыну. Къ нему ходило все высшее общество, Великіе Князья и нерѣдко самъ Александръ Николаевичъ. Тамъ снимались такія группы и сцены, которыхъ и показать постороннимъ нельзя.

*) А можетъ быть, Еврейкою. (Позднѣйшее замѣчаніе).

Въ Парижѣ живеть живописецъ Чумаковъ, человекъ богатый, который много чего можетъ рассказать про графа А. В. Адлерберга и про разныя похождения въ rue St. Augustin, № 80, у такъ называемой Chatte Blanche.

С. Л. Левицкій къ исходу жизни надѣлалъ много долговъ. Эти долги уплачиваетъ теперь его другой сынъ, тоже Петербургскій фотографъ.

*

Харитонъ Лукичъ Зуевъ (дѣдъ дополнителя Пушкинской Русалки) служилъ губернаторомъ въ Псковѣ, гдѣ говорили: избави насъ отъ огня, меча и Харитона Лукича. Екатерина писала ему письма, подлинники которыхъ остались у И. И. Дмитріева, а копіи цѣлы. Правнукъ его (отъ дочери) Нилъ Александровичъ Юрневъ читалъ эти письма. Они у одного изъ Зуевыхъ. Въ одномъ письмѣ Екатерина заботится о томъ, что въ Псковской губерніи оскудѣли запасы соли.

Х. Л. Зуевъ былъ изъ первыхъ, получившихъ орденъ Св. Владимира (1786). Былъ онъ женатъ на Мордовкѣ, которая отъ него бѣжала въ Парижъ и потомъ играла роль въ обществѣ, и въ домѣ ея въ Петербургѣ на Сергіевской, мальчиками, бывали, напримѣръ, будущій князь Чернышевъ, а когда, бывало, молодежь распалится, лакей сажалъ ихъ въ ларь, и самъ на него садился.

*

Тотъ же Юрневъ рассказываетъ. Его дѣдъ - дядя Юрневъ посланъ былъ изъ Петропавловской крѣпости доложить Екатеринѣ о томъ, что заключеннымъ, а въ числѣ ихъ одной заключенницѣ, грозитъ наводненіе. Государыня выслушала, но ничего не сказала, а только смотрѣла въ сторону и понюхивала изъ табакерки. Черезъ нѣсколько часовъ Юрнева опять посылаютъ доложить, что опасность усиливается. Тотъ же пріемъ и молчаніе. Когда же въ третій разъ посланецъ явился съ докладомъ о томъ, что вода затопляетъ казематы, Государыня вскочила, разразилась упреками, швырнула табакерку на полъ и вышла изъ комнаты. Юрневъ поднялъ табакерку и отдалъ ее Марьѣ Савишнѣ для подачи Государынѣ. „Что вы, что вы!“ вскрикнула та, „никакъ нельзя; возьмите ее лучше себѣ“. Табакерка сохранилась у Юрневыхъ; на ней крышка изъ тонкаго камня, треснувшая отъ паденія.

Юренивъ составляетъ подробную родословную своихъ предковъ одинъ изъ которыхъ, Алексѣй, былъ архимандритомъ въ Соловкахъ и постригалъ будущаго митрополита Филиппа. Юренивы старинные Псковичи, Торопецкаго уѣзда. Мать Н. А. Юренива Ю. Болотникова.

Извѣстный путешественникъ Платонъ Чихачевъ служилъ адъютантомъ при кн. М. Д. Горчаковѣ. Въ Петербургѣ князю отводили помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ. Однажды пришелъ къ нему Государь. Чихачевъ немедленно вышелъ въ другую комнату, а по уходѣ Государя нашель князя въ большой тревогѣ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ и повторялъ: „И вотъ самодержецъ!“ Когда онъ успокоился, Чихачевъ спросилъ о причинѣ безпокойства.—„Да какъ же? Принесъ ко мнѣ ассигновку на милліонъ рублей. Я, разумѣется, отказался. Вѣдь это деньги казенныя, а я ничего такого не сдѣлалъ. Вотъ самодержавіе! Государь уговаривалъ принять, я не согласился. Онъ прогнѣвался, взялъ ассигновку, смялъ ее въ рукѣ и быстро отъ меня ушелъ“. Слышано отъ Нила Александровича Юренива, а имъ отъ Чихачева, сыну котораго онъ давалъ уроки въ Висбаденѣ. Юренивъ состоялъ при секретарѣ королевы Ольги въ Штутгардѣ, Вольфѣ, для Русской переписки, а потомъ при консулѣ А. Д. Батуринѣ въ Ниццѣ, гдѣ давалъ уроки сыну герцога Георгія Максимилиановича отъ перваго брака его съ принцессой Ольденбургскою. Юренивъ хвалить герцога и его вторую жену Черногорку. Вѣра Константиновна, по словамъ Юренива, вовсе не такова какъ о ней разгласили. Мать ее преслѣдовала и привезла въ Штутгардъ съ намѣреніемъ лечить отъ сумасшествія; но королева взяла ее къ себѣ, выправила и выдала за наслѣднаго Вюртембергскаго принца, отъ котораго у нея двѣ очень милыя дочери, тоже воспитанныя Ольгою Николаевной. Нѣсколько милліоновъ денегъ королевы Ольги, хранившихся въ Русскомъ Государственномъ Банкѣ, досталось перешедшей въ Лютеранство Вѣрѣ Константиновнѣ.

*

Большой сумбуръ Россійскихъ дѣлъ
Толстой исправить захотѣлъ.
Въ помощники правленья своего
Онъ пригласилъ Заику, Плеве, Дурново.
И что-жъ! Россія не толстѣеть,
А заикается, плюется и дурнѣеть.

*

Нѣкто Өоминъ служилъ въ Петербургѣ въ какой-то промышленной компаніи и, скопивъ денегъ, женился на вдовѣ нѣкоего Надсона. Онъ куда-то отлучился изъ Петербурга, и жена его, похитивъ всѣ его деньги, бѣжала съ какимъ-то офицеромъ. Бѣдный Өоминъ застрѣлился

послѣ этого. Это вотчимъ поэта *Надсона*. Его поэзія могла отсюда брать черты свои.

*

Павель Васильевичъ Жуковскій сказывалъ мнѣ вчера (1901, Декабря 4), что Кокоревъ говорилъ министру финансовъ Рейтерну о неobjятности Россіи и въ память этихъ бесѣдъ прислалъ ему двѣ чучелы, превосходно сдѣланныя: бѣлаго медвѣдя (дальній Сѣверъ) и тигра (средняя и восточная наша Азія). Рейтернъ отказался принять этотъ знаменательный даръ.

*

Петръ Ивановичъ Загряжскій оставался въ Москвѣ при Французахъ. Когда у него сгорѣлъ домъ, ему дали другой, потомъ когда и этотъ сгорѣлъ, онъ выпросилъ себѣ жалованную грамоту на Пречистенскій домъ князя С. М. Голицына, откуда потомъ насильно его выгоняли. Онъ вскорѣ умеръ въ деревнѣ. Вдова его (урожд. Мосолова) вышла за адмирала Шушукова и владѣла домами у Никола Толмачей (что нынѣ графини Сологубъ *). Она была извѣстна дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій (Слышано отъ Д. Н. Свербева).

*

Намъ прислали нижеслѣдующую выдержку изъ „Тобольскихъ Вѣдомостей“. Разсказъ полковника Ф. Башмакова, одного изъ Декабристовъ записанный въ 1846 г..

Молодой артиллеристъ К. влюбился въ дочь Польскаго магната, проживавшаго въ Петербургѣ, графа Б., и былъ любимъ взаимно. Но незнатному Русскому дворянину добиться руки дочери магната не было надежды. К. задумалъ застрѣлиться, но въ послѣдній моментъ на выручку явился его сослуживецъ, штабсъ-капитанъ Э.; онъ уговорилъ его обвѣнчаться съ дѣвушкою тайно. Уговоръ подѣйствовалъ, и Э. устроилъ въ подгородномъ селѣ вѣнчаніе, при чемъ самъ исправлялъ роль священника. По окончаніи обряда влюбленные уѣхали къ матери молодого. Отецъ бѣглянки пожаловался Императору Павлу, который приказалъ розыскать и доставить бѣглецовъ. Когда Государь разспросилъ молодыхъ, любовь которыхъ его тронула, онъ пожелалъ также узнать имя вѣнчавшаго священника.

— Штабсъ-капитанъ п-й конно-артиллерійской батареи Э., отвѣчалъ блѣдный какъ смерть юноша.

*) Нѣкогда Демидова, потомъ графини Сологубъ, а теперь Шестая гимназія. П. В.

— Штабсъ-капитанъ? переспросилъ нѣсколько повеселѣвшій Государь. Разказывай, какъ было. Это интересно: вѣнчалъ штабсъ-капитанъ... Говори, не скрывая; иначе помни—Сибирь.

К. разказалъ все, какъ было. Императоръ изрѣдка поглядывалъ на графа Б., какъ бы желая знать, какое впечатлѣніе производитъ на отца этотъ разказъ. Когда разказъ былъ оконченъ, Его Величество, окончательно повеселѣвъ, обратился къ отцу Гедвиги:

— Ну, графъ, что же съ ними дѣлать? Послать ихъ въ Сибирь? Но и тамъ имъ вдвоемъ будетъ тепло и весело. А не лучше ли ихъ оставить здѣсь, тѣмъ болѣе, что и самъ ты, вѣроятно, не захочешь взять къ себѣ дочь въ настоящемъ ея положеніи. Я получилъ наканунѣ справку объ этомъ шалопаѣ (онъ указалъ на К.): оказалось, что онъ кончилъ первымъ въ Шляхетскомъ корпусѣ, а его батарейный командиръ отозвался о немъ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ офицеровъ. Прости же и обвѣнчай ихъ по закону.

Графу оставалось только послѣдовать желанію Государя.

Что касается до вѣнчавшаго офицера, то съ нимъ было поступлено иначе.

— Что побудило тебя сдѣлать такой противозаконный и дерзкій поступокъ? спросилъ его Павелъ.

— Любовь къ ближнему, Ваше Величество! отвѣчалъ Э.

— Ну, проповѣдая такую Евангельскую истину, ты доказалъ, что призваніе твое — не мечъ и не сабля, а крестъ и евангеліе. Такъ съ Богомъ, иди же по этой дорогѣ! И, обратившись къ оберъ-полицеймейстеру, Государь сказалъ: Отвезти сегодня же его къ митрополиту. Пусть дѣлаетъ съ нимъ что хочетъ!

По словамъ разказчика, офицеръ, позволившій себѣ такой кощунственный поступокъ, какъ переряживанье священникомъ, былъ впослѣдствіи викарнымъ епископомъ.

*

Ген. Вельяминовъ, кончившій жизнь въ Москвѣ начальникомъ Измайловской богадѣльни, нѣкогда служилъ въ 1-мъ батальонѣ Преображенскаго полка и однажды, послѣ долгаго Красносельскаго ученья, онъ находился при Государѣ, который тоже очень усталъ отъ войскаго смотра, и пошелъ отдохнуть въ палатку. Стояла прекрасная погода, и Государь былъ въ отличномъ расположеніи духа. „Вотъ, говорилъ онъ, теперъ жалуются на тяжесть службы, а что было прежде!

Я былъ дежурнымъ при Государѣ. Носили мы узкое до невозможно-сти платье и уставали страшно. Когда кончилось ученіе въ Красномъ Селѣ, Государь приказываетъ мнѣ садиться съ нимъ прямо въ коляску, такъ что я не успѣлъ ничего захватить съ собою. Скачемъ прямо въ Грузино. Тотчасъ же по приѣздѣ Государь садится за столъ и противъ него Аракчеевъ. Я стою позади Государя, и онъ меня не видитъ, а кашлянуть или чѣмъ инымъ заявить о себѣ я не посмѣлъ“. Аракчеевъ разговаривалъ съ Александромъ, а Николай едва не упалъ отъ усталости, но не смѣлъ сѣсть. И дѣйствительно, военныя строгости при Александрѣ I были много жесточе, нежели позднѣе: внутри строя, въ особой телѣгѣ, держали розги, и тутъ же нещадно пороли провинившихся, но такъ, что проходящимъ было не видно. Русскіе солдаты терпѣли крутыя наказанія даже и въ Парижѣ. Но за то они прошли до предѣловъ Европы, не обижая жителей.

*

А. П. Ермоловъ, узнавъ на балѣ у князя Д. В. Голицына отъ графа П. А. Толстого, что Паскевичу пожаловано фельдмаршалство, внезапно сказалъ: „Нечего говорить, ослу жить (а служить) хорошо у царя!“

*

Про кого-то говорили, что онъ беретъ взятки. „Какой вздоръ, воскликнулъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Оброкъ беретъ! (а Брокъ—министръ финансовъ)“.

*

Старая мама рассказывала А. П. Елагиной (род. 1789 года), какъ набожна была Государыня Елисавета Петровна: отправится на богомолье къ Троицѣ пѣшкомъ, а сама ножку все нарочно въ песокъ, чтобъ больше потрудиться. А песочекъ-то въ башмачки такъ и засыпаетъ.

*

Однажды при мнѣ пришелъ къ Кокореву нѣкто Яхненко и былъ имъ очень ласково принятъ. По его уходѣ Кокоревъ сказалъ мнѣ, что это сынъ художника, оставившаго по себѣ, между прочимъ, большую картину „Вознесенія Божьей Матери“ въ Московской Школѣ живописи и ваянія. Кокоревъ былъ большой любитель живописи (свою картинную галерею, когда дѣла его пришли въ разстройство, онъ

долженъ былъ продать, и многія изъ нея картины приобрѣтены Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ). Кокоревъ былъ друженъ съ Яхненко, участникомъ его кутежей: такъ однажды они отправились за городъ совершенно нагіе въ лѣтній жаркій день, уславъ напередъ запасы напитковъ и закусокъ. Яхненко вздумалъ сказать, что онъ покажетъ себя Императору Николаю въ полной своей наготѣ. Ему не повѣрили, и былъ предложенъ закладъ, что ему выплатятъ три тысячи рублей, если онъ выполнитъ сказанное. Николай Павловичъ имѣлъ обычай послѣ завтрака навѣщать старшую дочь свою Марію Николаевну и очень часто ходилъ къ ней въ ея дворецъ у Синяго моста, гдѣ теперь Государственный Совѣтъ. Ходилъ онъ всегда по правой (съ Невскаго) сторонѣ Морской. Яхненко нанялъ себѣ помѣщеніе на лѣвой сторонѣ этой улицы, съ балкономъ, на который поставилъ статую во весь ростъ и окружилъ ее растеніями. Николаю Павловичу до всего бывало дѣло, и онъ спросилъ полицейскаго: „Кто это тамъ помѣстился?“—„Художникъ, Ваше Императорское Величество.“ Прошло нѣсколько дней, наблюдательный взоръ Государя уже привыкъ видѣть на балконѣ по лѣвой сторонѣ Морской большую статую. Яхненко пригласилъ къ себѣ пріятелей, раздѣлся до нага и сталъ на мѣсто статуи, такъ что Государь уже не обратилъ на него вниманія. Такимъ образомъ онъ выигралъ закладъ.

*

Наполеонъ Александру въ 1804 г. послѣ убіенія герцога Энгіенскаго.

(Изъ официальной депеши.)

La plainte que la Russie élève aujourd'hui, conduit à demander si, lorsque l'Angleterre médita l'assassinat de Paul 1-er, on eût eu connaissance que les auteurs du complot se trouvaient à une lieue des frontières, on n'eût pas été empressé de les faire saisir?

(Histoire de France par Bignon, Paris, 1830, III, 439).

П Е Р Е В О Д Ъ.

Предъявляемую нынѣ отъ Россіи жалобою возбуждается вопросъ: Англія замыслила убіеніе Павла I. Если бы стало извѣстно, что подосланныя для того лица находятся въ одной милѣ отъ границы, неужели не послѣдили бы приказаніемъ захватить ихъ?

*

Великая Княгиня Анна Федоровна сказывала князю П. А. Вяземскому, что въ первую ночь царствованія Александра Павловича импе-

ратрица Елисавета пришла къ ней просить, чтобы она уговорила ея мужа выдти къ публикѣ, такъ какъ ея онъ не слушается, а для Анны Ѳедоровны выйдеть, Великая Княгиня нашла Государя метавшимся отъ происшедшаго на диванѣ, въ мундирѣ, горько плачущимъ. По ея настоянію онъ вышелъ изъ кабинета.

*

У Потемкина было небольшое наслѣдственное имѣніе Коломенскаго уѣзда, рядомъ съ селомъ Мещериновымъ, гдѣ богато жилъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, къ которому свѣтлѣйшій всегда относился дружелюбно.

Въ 1775 году Екатерина изъ Москвы ѣзжала въ окрестныя мѣста. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ ей пришлось заночевать у графа Шереметева, который, разумѣется, угостилъ ея на славу. Позднею ночью, когда все кончилось, графъ ушелъ къ себѣ спать и уже лежалъ въ постели, какъ вдругъ дверь растворилась и къ нему вошла Государыня. Тотъ вскочилъ. „Ничего, ничего, сказала Екатерина: я не хотѣла засыпать, не убѣдившись въ томъ, что старикъ-хозяинъ успокоился отъ заботъ и хлопотъ приѣма“. (Слышано отъ графа С. Д. Шереметева).

*

По словамъ знавшихъ лично Зыкова, убійцу княгини Голицыной и отравителя графини Шереметевой, привлекавшаго къ себѣ богомольныхъ барынь, въ длинной одеждѣ монастырскаго послушника, былъ красавецъ. Помню, какъ Шевыревъ говорилъ мнѣ въ профессорской, что онъ; ѣдучи въ университетъ, проѣзжалъ сквозь густую толпу народа, собравшагося глядѣть на Зыкова, котораго, по тогдашнему обыкновенію, везли по улицамъ привязаннаго на высокихъ подмосткахъ, и какъ одинъ простолоудинъ умилилъ Шевырева, сказавъ ему, при взглядѣ на преступника: „такъ подобаетъ совершиться всякой правдѣ“.

Говорятъ, что дамы кидали везомому Зыкову цвѣты, а онъ бросалъ имъ раздушенные платки, которые рвались на клочки и берегались поклонницами. Не даромъ Ермоловъ, бывшій въ церкви на похоронахъ убіенной Зыковымъ княгини Голицыной (вдовы его друга) сказалъ, когда выносили гробъ, обратившись къ барынямъ: вѣдь это, сударыни, ваше дѣло.

Убіенная княгиня была очень молода и хороша собою. Она воспитывалась у тещи графа С. Г. Строганова въ Петербургѣ.

Сынъ убиенной, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, жена-тый на Елисаветѣ Александровнѣ Чертковой, не задолго до гибели своей матери похоронившій своего отца, сказывалъ мнѣ, что онъ съ Г. А. Чертковымъ, когда Зыковъ возвращался къ себѣ въ монастырь съ бутылкою лампаднаго масла и шелъ къ Каменному мосту по улицѣ Лѣвннкѣ, толкнули его, какъ будто нечаянно, такъ, что бутылка съ масломъ разлилась и облила его нарядное послушническое платье.

Говорять, Зыковъ въ Сибири оставилъ Записки, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ: за графиню ничего, а за княгиню сослали.

Митрополитъ Филаретъ въ письмѣ къ архимандриту Антонію (напечатанномъ) въ Юнѣ 1849 г. увѣдомляетъ его, что онъ еще при жизни графини Шереметевой видѣлъ во снѣ о неестественной ея кончинѣ.

*

Въ Егорьевскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 8 отъ Горянской волости (имѣнія А. П. Крюкова), близъ рѣки Клязьмы, есть озеро, довольно большое, плотина изъ бѣлаго камня, иногда заливаемая водою. Преданіе относитъ ее ко временамъ Грознаго, и говорить, что на берегу стоялъ дворецъ его.

*

Въ 1823 году Александръ Павловичъ былъ на смотру въ Западномъ краѣ, куда пріѣхалъ и будущій императоръ Германскій, второй братъ тогдашней великой княгини Александры Федоровны. При ея имени, въ Прусскомъ Придворномъ Календарѣ уже нѣсколько лѣтъ означалось, что супругъ ея наслѣдникъ Русскаго престола (Thronfolger von Russland). Катаясь съ нимъ, Государь жаловался на упадокъ силъ, говорилъ, что умереть отъ водяной и въ доказательство указывалъ на свою кожу, которая стала до того рыхла, что если подавить на рукѣ пальцемъ, то остается слѣдъ. „Наслѣдникомъ послѣ меня будетъ братъ Николай“.—„Могу ли я объ этомъ говорить?“—„Я нарочно съ вами завелъ о томъ рѣчь, чтобы вы о томъ пересказали вашему отцу“. Съ маневровъ принцъ пріѣхалъ въ Петербургъ и ни слова не сказалъ своей сестрѣ, ни ея мужу, но возвратившись въ Берлинъ передалъ отцу своему. Все это онъ самъ передавалъ графу В. Ѳ. Адлербергу въ Эмсѣ, въ 1872 году, а сей послѣдній разсказалъ мнѣ въ Петербургѣ 13 Февраля 1878 г.

По словамъ графа В. Ѳ. Адлерберга, послѣ 27 Ноября 1825 г. и до 14 Декабря, Николай Павловичъ рѣшительно ни съ кѣмъ не совѣтовался относительно образа своихъ дѣйствій, а руководился собственными соображеніями.

Отецъ Н. К. Шильдера, выучившій Тотлебена инженерному искусству, страдалъ сумасшествіемъ. Біографъ Александра Павловича тоже подверженъ былъ этому: онъ до того вѣрилъ въ Федора Кузьмича, что по его словамъ Федоръ Кузьмичъ являлся ему и излѣчивалъ его отъ головной боли. Въ 4-й книгѣ своего труда объ Александрѣ I-мъ Шильдеръ помѣстилъ портретъ Федора Кузьмича. Нѣкто сказалъ по этому поводу: хороша похвала Государю, о которомъ напечатано, что онъ заварилъ кашу, а когда пришлось ее расхлебывать, ушелъ въ Сибирь!

*

Въ 1849 году Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву на освященіе Кремлевскаго дворца. Будучи на балу у князя Сергѣя Михайловича Голицына онъ зашелъ во внутреннія комнаты Голицына и сказалъ ему: „Голицынъ, ты помнишь моего отца?“—„Какъ же, Ваше Величество, я былъ тогда уже женатъ“.—„Вѣдь онъ спасалъ Австрію, и я спасу ее теперь. Похожъ ли я на него?“—„Ваше Величество, какъ можно говорить такъ!“—„А что?“—„Вѣдь онъ же былъ сумасшедшій“. Государь всталъ, не прощаясь ушелъ и уѣхалъ съ бала. Князь Голицынъ, какъ попечитель Воспитательнаго Дома, обязанъ былъ въ 12 часовъ являться во дворецъ на случай, не пожелаетъ ли Государь поѣхать осматривать учебныя заведенія. Князь пріѣзжаетъ разъ, другой, нѣсколько разъ, его все не принимаютъ. Наконецъ Государь говоритъ: „Голицынъ, ѣдемъ“. Ёдутъ. Государь осматриваетъ и все молчитъ. Когда они вернулись во дворецъ, Государь, по обыкновенію, легъ отдохнуть и велѣлъ князю Голицыну лечь съ собою. Тогда Государь говоритъ ему: „Голицынъ, какъ ты меня оскорбилъ!“—„Ваше Величество, я заболѣлъ съ горя отъ вашей немилости, но не знаю, чѣмъ я могъ прогнѣвить Ваше Величество“.—„Ты назвалъ моего отца сумасшедшимъ“.—„Ваше Величество, и теперь я это повторяю“.

Слышано отъ графа С. Г. Строганова, которому самъ князь Голицынъ это рассказывалъ.

